

УДК 94(575.4)
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-65-74
EDN: JGNTQM

Д. С. АННАОРАЗОВ

Туркменский государственный
университет имени Махтумкули,
г. Ашхабад,
Республика Туркменистан

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТУРКМЕНИСТАНЕ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О ДЖУНАИД-ХАНЕ

В статье рассказывается о малоизвестных страницах жизни одного из ключевых военных и политических лидеров периода Гражданской войны в Туркменистане Джунaid-хане — Курбанмамед Сердаре (1862–1938). Дана критика историографии вопроса. На основе неопубликованных источников из фондов государственных и ведомственных архивов уточнены детали биографии указанного деятеля, связанные с его участием в братоубийственном противостоянии. Теоретическая основа исследования — сочетание военной антропологии, проблемного и сравнительно-исторического методов. Подводя итоги, автор дает оценку личности Джунaid-хана на фоне противоречивой эпохи, в которую жил этот военный и политический деятель.

Ключевые слова: историческая антропология, Гражданская война, Белое движение, повстанчество, басмачество, Хивинское ханство, Хорезмская Народная Советская Республика, Туркмения.

Постановка проблемы. В имперский (1869–1917) и советский (1917–1991) периоды, продолжавшиеся более чем сто лет, в Туркменистане произошли неоспоримые по местным меркам количественные и качественные изменения в политическом, социально-экономическом и культурном развитии, а самое главное — из разрозненных племен сформировался передовой туркменский народ. Это было время, когда появилась целая плеяда известных личностей, которые оставили большой след в истории своего народа.

Курбанмамед Сердар Ходжабай оглы (1862–1938), известный среди народа как Джунaid-хан, был выдающейся личностью и вместе с тем неординарной фигурой туркменской истории рассматриваемого нами периода. Несмотря на то, что не только в советской исторической, но и в художественной литературе, а также в кинематографе был создан образ «жестокого бандита» и «убийцы-басмача Джунaidа», среди той части народа, кто напрямую не пострадал от его действий, а таких было подавляющее большинство, его имя получило широкую популярность как олицетворение стойкости и воли, мужества и свободы. Как бы ни очерняла пропаганда того времени личность Джунaid-хана и, несмотря на его суровые поступки, всякое упоминание о нем вызывало в сознании простых людей

уважение и восхищение, а у противников — гнев и трепет.

О нем ходили легенды как о справедливом, но и суровом сардаре — народном вожде и крупном военном стратеге, а потому оппоненты всячески старались очернить его имя и принизить его роль в истории.

Следует отметить, что Джунaid-хан, получивший известность еще в имперский период, прежде всего был человеком Гражданской войны, которая, по нашему мнению, в Туркменистане продолжалась почти до середины 30-х гг. прошлого века [1]. Сегодня в изучении Гражданской войны мы в целом исходим из того, как российская историография характеризует эти сложные события начального периода Советской истории. За последние более чем 30 лет в Российской Федерации большинство белогвардейцев, воевавших против большевиков, в целом характеризуются как патриоты своей страны. В трудах российских историков постсоветского периода были воссозданы положительно-трагические образы руководителей Белого движения — Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина, А. В. Колчака, П. Н. Врангеля, А. И. Дутова, Н. Н. Юденича и др.

Однако современная российская историография тверда в своих суждениях в отношении среднеазиатских белогвардейцев-«басмачей»: Джунaid-хана,

Ибрагим-бека, Курширмат, Мадемин-бека, Муетдина, Хал Ходжы, Клыч-Мергена, Ходжакули-хана и многих других, которые по-прежнему «грабители и убийцы», «отпетые бандиты» и т.п. Что касается Джунаид-хана, то в советской историографии, кроме «грабежей и убийств» его бездоказательно обвиняли и в том, что он английский шпион, но, как отмечал ученый из Узбекистана В. А. Германов: «До настоящего времени ни один исследователь не привел ни одного серьезного доказательства этого утверждения» [2, с. 129].

Как и вышеперечисленные руководители российского Белого движения, так и Джунаид-хан был «белым генералом» своего времени, но он имел дело с большевиками и после окончания Гражданской войны. К слову сказать, что руководство Полномочного представительства Хорезмской Народной Советской Республики в Москве в докладе, отправленном в НКВД РСФСР от 18 февраля 1921 г., назвал Джунаид-хана «хорезмским Деникином» [3, л. 11–15 об.]. Но, в отличие от лидеров российского Белого движения, Джунаид-хан не был таким непримиримым врагом большевиков, каким его представляла советская историография и ряд постсоветских историков. Он вел переговоры с большевиками, не раз заключал с ними мирные договоры и даже фотографировался с их представителями. Даже в имперский период он был склонен найти общий язык с царскими властями и пойти с ними на переговоры. Джунаид-хан дважды пользовался амнистиями, объявленными Временным правительством и Советской властью. Но, несмотря на очевидные факты, имя Джунаид-хана до сих пор в списке «неисправимых профессиональных разбойников, грабителей и убийц».

Цель нашего исследования — на основе критики историографии и вновь вводимых в оборот источников представить политический портрет Джунаид-хана на фоне эпохи Гражданской войны в Средней Азии.

Основная часть. Постсоветская туркменская историография, за исключением Р. Эсенова [4] и автора этих строк [1], до сих пор не сказала своего слова о Джунаид-хане.

В прошлом и в настоящее время историки разных стран и исторических школ по-разному оценивали и продолжают оценивать роль Джунаид-хана в истории. В постсоветской российской историографии в работах некоторых авторов, несмотря на некоторую долю предвзятости, превалирует объективная оценка его роли и места в истории, хотя суждения и выводы многих авторов тенденциозны.

Современные узбекские историки в целом взвешенно характеризуют личность Джунаид-хана. Однако сегодня однобокая традиция советской историографии по этому вопросу продолжается благодаря стараниям некоторых каракалпакских историков. Например, Д. К. Жуманиязов отмечал: «Джунаид-хан выступил с самого начала своей разбойничьей и военной карьеры как способный и хитрый организатор. Примкнув к восстанию 1916 г., он во время этих восстаний со своим «избранным отрядом» занимался исключительно грабежами и убийствами мирного населения городов и сел ханства» [5, с. 83].

Вместе с тем автор жалуется, что, дескать, «в современной историографии некоторые историки в погонях за жареным фактом хотят превратить из личности Джунаид-хана образ национального героя. Еще 1970-е годы английский историк Энн Шихи написала сенсационную статью под назва-

нием «Джунаид-хан — король Каракумов». <...> К сожалению, в разделе «Новой истории Узбекистана» допускалось новое прочтение, в результате которого образ Джунаид-хана представлен как непримиримый враг Советской власти и борец за независимость» [5, с. 83]. Д. К. Жуманиязов уверяет, что если для «зарубежных авторов Джунаид-хан — «король пустыни Каракум», то для народов Приаралья он — разбойник с большой дороги» [5, с. 83]. Но, видимо, автор недостаточно уверен в своих выводах поэтому он обращается к научному сообществу со словами: «Для окончательного утверждения этого вывода в современной историографии нужно вести весьма скрупулезные исследования истории военных действий на территории Хивинского ханства и Амударьинского отдела <...> в первой четверти XX века» [5, с. 83].

Теперь посмотрим, как Д. К. Жуманиязов описывает «жизнь и деяния любимого сына каракалпакского народа Максум-хана <...>, который сражался за свободу своего народа против большевиков...» [6, с. 384] и которого в советское время также охаивали не меньше Джунаид-хана. Джуманиязов возмущается тем, что «в письменных источниках старой (т. е. советской. — Д. А.) историографии он (т. е. Максум-хан. — Д. А.) представлен как религиозный фанатик и главарь местного басмачического бандформирования» [6, с. 384]. Но, оказывается, по утверждению Джуманиязова «в устных сообщениях его родни, земляков и просто знавших его при жизни людей (и далее выделено нами. — Д. А.), Максум-хан открывается как лидер народного ополчения, преданно выполнивший свой общественный долг перед обществом» [6, с. 384].

С Жуманиязовым солидарен другой каракалпакский историк — Х. М. Отегенов, который не соглашается с концепцией узбекских ученых Отамуроода Кошанова и Гавхар Дурдиевой, утверждавших, что «Джунаид-хан — борец за независимость» [7, с. 99]. Так, Отегенов отмечает, что «не нашли архивного обоснования и другие выводы авторов (т. е. Кошанова и Дурдиевой. — Д. А.) о том, что Джунаид-хан посвятил всю жизнь за свободу и боролся за независимость» [8, с. 34].

Х. Отегенов положительно характеризует руководителя каракалпакских повстанцев Овезджан Ходжа, которого и в советское время характеризовали как одного из руководителей национально-освободительного движения в Хорезме, но в то же время он в крайне невыгодном свете показал роль Джунаид-хана в том восстании. На этот факт обратил внимание В. А. Германов: «В восстании 1916 г., как известно, активно участвовали бек города Ходжейли Овезджан Ходжа и Джунаид, поддержанные населением Хивинского ханства. Походы на Хиву Овезджана Ходжи и Джунаид-хана — это два звена одной цепи, но советские исследователи почему-то искусственно разделяли их. Выступление бека Овезджана Ходжи во главе повстанцев <...> характеризовалось как «прогрессивный этап хивинского восстания», а захват Джунаид-ханом Хивы расценивается как «угодничанье турецкому султану и английским правителям» [2, с. 129–130].

Отегенов, отметив в заключении своей работы, что «усилился гнев узбеков, казахов, туркмен (из рода ата-туркмен), каракалпаков против действий хана и чиновников» [8, с. 43], явно старается принизить роль не только Джунаид-хана в восстании 1916 г., но и участие в нем вообще туркмен. К сведению автора: в восстании участвовали

не только туркмены-атинцы, но и другие крупные туркменские племена. Как отмечает сам автор, в распоряжении у одного только йомудского вождя Шаммы Кея, который 18 января двинулся в сторону Хивы, было 1500 всадников. А если добавить к всадникам Шаммы Кея еще и нукеров Джунаид-хана, Кочмамед-хана, Якши-Гельды-бека, Шамурад Бахши, Нияз Бахши и других вождей, то число туркмен, участвовавших в восстании, может утроиться и даже учетвериться.

Но в оценке деяний Джунаид-хана дальше всех дошла ученый из Таджикистана О. Б. Сайфутдинова, которая без предъявления каких-либо фактов или материалов бездоказательно обвиняет Джунаид-хана, умершего еще до начала Второй мировой войны, в пропаганде идей фашизма [9, с. 26]. Но самое тенденциозное, по нашему мнению, было написано М. В. Шалаевым в его романе, где по выдумке писателя один из «подручных» Джунаида якобы по его приказу убивает некоего туркменского старика, а его маленькую дочь приволакивает к своему патрону, которому уже свыше 60 лет, ради его плотской утехы [10]. И это о глубоко верующем человеке, который за такое преступление лично убил своего двоюродного брата [11, с. 69].

Появление Джунаид-хана на политической арене Хивинского ханства, как политического противника местного хана, относится к 1912–1913 гг. До этого Хива жила своей размеренной жизнью. Все беды у подданных ханства — узбеков, туркменов, каракалпаков и казахов начались с начала второго десятилетия XX века. Наглость ханских вельмож и местных богатеев дошла до того, что, когда один из весьма влиятельных среди туркмен Ишан — мусульманский духовник, для установления мира и добрососедства в многонациональном государстве послал своего сына к одному из наместников, однако тот нанес ему смертельное оскорбление, изнасиловав его посланника. Оскорбленный и униженный Ишан обратился к содействию в справедливости Хивинскому правительству, а затем и к русским властям. Не получив помощи и поддержки от них, Ишан в конце концов обратился за помощью к мало кому известному тогда туркменскому вождю Курбанмамеда, главе йомудского рода Джунаид и в котором нашел поддержку. Новоявленный туркменский вождь наказал виновника, а Ишана принял к себе в качестве главного духовника [12, л. 22] — Хан Ишана. Впоследствии, по словам Караш хан оглы Йомудского и М. Соегова: «С быстротой скаковой лошади туркменские степи облетела весть <...>, что Джунаид, сильный духом и видный туркмен, со своими сородичами и одноплеменниками выступил <...> с оружием в руках против гнета и насилий Хивинского хана и его управителей» [13, с. 12].

Следует также отметить, что именно благодаря Джунаид-хану известный туркменский вождь Шамурад Бахши был выпущен на свободу, которого в 1915 г. по приказу хивинского хана Исфендияра (1910–1918) бросили в темницу «за грабежи российских подданных» [14, с. 162]. Родственники Шамурад Бахши и Хан-Ишан обратились к Джунаиду с просьбой содействовать в его освобождении. Джунаид-хан, поддержанный рядом других туркменских вождей, в ультимативной форме потребовал от хивинских властей освободить Бахши из-под стражи. Для придания весомости своим требованиям он захватил в плен одного из ханских наместников. Далее, в ночь с 22 на 23 марта 1915 г., отряды Джунаид-хана осадили Хиву — случай

до этого беспрецедентный в колониальной истории ханства. Хивинский хан обратился за помощью к начальнику Амударьинского отдела, который срочно связался с Ташкентом. Однако туркестанский генерал-губернатор потребовал незамедлительного освобождения Бахши.

Как писал узбекский историк У. Абдурасулов, «именно эта история помогла ему выдвинуться из числа других туркменских лидеров. В глазах своих йомудских соплеменников Джунаид не только восстановил поруганную честь Шамурада Бахши и осадил столицу ханства, но смог говорить на равных с имперским наместником и хивинскими министрами, заставив признать себя «полноценной стороной конфликта»» [14, с. 162–163]. Забегая вперед, отметим, что через пять лет после этих событий Шамурад Бахши вместе с другими просоветскими туркменскими родоплеменными вождями, поддерживая большевиков, выступит против своего спасителя Джунаида и примет активное участие в свержении его власти.

Несколько лет тому назад российский ученый Т. В. Котюкова обнаружила и опубликовала письмо доверенного Русско-Азиатского банка в Новом Ургенче А. М. Кислякова от 12 марта 1916 г. на имя известного политического деятеля России П. Н. Милокова, в котором автор письма отмечает полнейшее отсутствие вражды туркмен к русским. Борьба туркмен, по признанию А. М. Кислякова, «идеализировалась благородными целями справедливости и, что в особенности знаменательно, выявила в себе искреннее стремление к отторжению от ханства и переходу в русское подданство. Идея перехода в русское подданство привилась в них настолько прочно, что ими неоднократно возбуждались в этом направлении ходатайства. Но власть российская ко всему была глуха, а туркмены, озлобляясь, подымали смуты, желая, хотя этим, обратить на себя <...> внимание русских» [15].

Слова А. М. Кислякова подтверждает и донесение начальника Туркестанского районного охранного отделения директору Департамента полиции от 8 августа 1916 г. Автор донесения, сообщая о настроениях местного населения Туркестана, отмечал: «Ярыми сторонниками мусульманских государств являются преимущественно люди пожилые, ишаны, муллы, мударрисы и отчасти кази, молодежь же везде и всегда указывала на преимущества русского порядка управления и приводила как примеры мятежи в Бухаре и **восстание йомудов с Джунаид-ханом во главе в Хиве**, где мечтой населения, пострадавшего в бесправии и от поборов всякого рода сборщиков податей, является полное присоединение этих ханств к государству Российскому» [16, л. 129].

Далее в письме А. М. Кислякова руководитель восстания Джунаид-хан был охарактеризован не как «враг русских» и не как главарь кучки грабителей, а как руководитель народного восстания, выступившего против произвола властей. Кисляков отмечал: «Наибольшим почетом и влиянием в туркменской среде этого момента, как герой событий и виновник успехов, пользовался предводитель одного рода, именуемый ханом Джунаидом. Хан Джунаид и начал деятельно распространять свое политическое влияние на Хиву, а так как сила и мощь туркменская в представлении мирного хивинца рисовались значительно выше ханской, то население доброй половины Хивы фактически перестало подчиняться ханству» [15].

Таким образом, Джунаид-хан начал играть роль главной угрозы для ханской и царской, а потом и Советской властей. Как писал У. Абдурасулов: «Еще недавно малоприметный член туркменского клана Урус-Кушчи (т.е. Орсукчи. — Д. А.), он в короткий срок <...> превратился в хана Джунаида — одну из ключевых фигур политического ландшафта Хорезма.

Сумев объединить под своей властью туркменские и узбекские группы Хорезма, Джунаид-хан бросил вызов казавшейся незыблемой власти российских имперских, а в последующем и советских властей» [14, с. 143].

С этого времени Джунаид-хан приобрел большую известность как защитник интересов туркмен и других народов Хивы. Так, уполномоченный НКВД в Средней Азии Л. М. Михайлов в ноябре 1923 г. писал: «Туркменское население относится к нему с необычайным уважением и доверием, памятуя его борьбу в 1915–1916 гг. против царских генералов Галкина и Модестова» [17, л. 224–225]. Михайлов также признался, что «сам Джунаид-хан <...> вряд ли может быть отнесен к категории неисправимых профессиональных грабителей и разбойников» [17, л. 224].

Царская администрация, чтобы сохранить и укрепить свое господство в Хорезме, а ее сателлит хивинский хан и его дворцовая камарилья — остались у власти, натравливали друг против друга полукочевников-туркмен и оседлое население ханства. Это и породило появление ненаучного тезиса, который твердил якобы о существующем в Хорезме испокон веков «туркмено-узбекской вражды». На это, между прочим, очень четко ответил К. Абдуллаев: «Простой народ жил в общинах, предпочитаемая договариваться, а не воевать с соседями. Это смягчало конфликтность во взаимоотношениях, побуждало к сотрудничеству и терпимости. Были периоды вражды, но не они определяли характер взаимоотношений между народами. **На протяжении своей долгой истории, регион Средней Азии не знал этнических войн**» [18, с. 152].

Следует отметить, что полное и окончательное охаивание личности Джунаид-хана началось после 1927–1928 гг., когда он в последний раз поднял восстание против властей и был объявлен вне закона. И такое положение вещей продолжалось вплоть до «перестроечных времен» в СССР, когда на страницах местной туркменской периодической печати стали появляться первые популярные статьи любителей истории, посвященные «басмачам» и их «сардарам» — руководителям, содержание большинства из которых носило больше эмоциональный, нежели научный смысл. Однако постсоветская туркменская историография до сих пор не сказала свое окончательное слово о «басмаческом» движении и лидере повстанческого движения Туркменистана Джунаид-хане. Хотя стоит отметить, что советские авторы Б. В. Чепрунов [19] и Дж. Шарипов [20] все же осмелились написать о нем более объективно.

Надо отдать должное и тем авторам, стоявшим когда-то с ним лицом к лицу на поле боя, которые старались более взвешенно оценивать слабые и сильные стороны Джунаид-хана как противника. Советский военачальник И. С. Кутяков, под командованием которого было подавлено народное восстание в Хорезме в 1924 г., возглавленное Джунаид-ханом, писал: «В 1916 г. он объявил войну хану и русским. Эта была невиданная дерзость: поднять оружие против вассала всемогущего русского царя.

<...> Джунаид безумно храбрый, имеет 12 ран; совершенно безграмотен. Обладает колоссальным опытом, организаторскими способностями, имел вполне опытных заместителей в лице своих сыновей, которые сыграли немаловажную роль в ведении боевых действий» [21, с. 37]. Несмотря на то, что Джунаид-хан часто вел бои с войсками опытного противника и не раз подвергался военному разгрому, но за время всех боев с хивинскими, царскими и советскими войсками он ни разу не попал в плен.

По свидетельству того же Кутякова, в молодости Джунаид-хан был отчаянным и храбрым джигитом, и поэтому, благодаря этим качествам, он был определен в конвой хивинского хана, где за боевые отличия был произведен в начальники конвоя. В дальнейшем он с частью конвоя сбежал в пустыню, где организовал собственный отряд. Как отмечал известный советский военачальник Мелькумов, «Ряд удачных грабежей, полное личное бескорыстие в награбленных богатствах заставляли стекаться к нему все наиболее обиженные или просто бесшабашные элементы» [12, л. 23].

После Февральской революции, в сентябре 1917 г., Джунаид-хан, бежавший в Афганистан после восстания 1916 г., вернулся в Хиву. Началась острая борьба за власть между различными военно-политическими силами и группировками в ханстве. По данным А. В. Ганина [22, с. 198] и Р. Почекаева [23, с. 79], Джунаид-хан вступил в переговоры с полковником Зайцевым, главой российских войск в Хиве. Вскоре русские войска покинули территорию ханства и в январе 1918 г. Джунаид-хан, войдя в Хиву, взял власть в свои руки. В октябре 1918 г. Хивинский хан Исфандияр был убит людьми Джунаид хана [24, с. 220–221], а вместо него был поставлен его дядя Сеид Абдулла.

Захватив власть в ханстве, Джунаид-хан не сделал сложу руки. Он устанавливает тесные связи с антисоветскими силами Бухары, Ферганы, Закаспийской области, Юга России и Сибири, получает помощь в виде вооружения и боеприпасов от Российского правительства А. В. Колчака.

5 ноября 1918 г. Джунаид-хан осуществил поход на территорию Амударьинского отдела, которая была отторгнута от Хивинского ханства по Гендеманскому договору 1873 г. между Российской империей и Хивой. В этом походе особенно пострадало мирное население. Как писал член РВС Туркфронта в Хиве Б. В. Скалов, «Разгром Амударьинского отдела, будучи **местью за русские карательные операции** (т.е. за 1916 г. — Д. А.), был особенно ужасен» [18, с. 153]. Несмотря на большие потери, Джунаид-хан не смог вернуть территорию Амударьинского отдела, и 4 апреля 1919 г., сидя за столом переговоров, он подписал мирный договор с большевиками.

Советская историография всегда утверждала, что Джунаид-хан в период своего двухгодичного правления занимался только разбоем и ограблением трудового народа. Представитель РВС 1-й Армии Я. А. Мелькумов еще в декабре 1920 г. писал: «Джунаид-хан в годы своей военной диктатуры проявлял уже некоторые заботы по улучшению экономического положения <...> населения Хивы, так, например, он изыскивал пути к искусственному орошению безводных пространств и пр.» [12, л. 29]. Об этом же говорится и в вышеупомянутом письме Л. М. Михайлова в ВЦИК [17, л. 223].

Однако, после того как Джунаид-хан стал властелином Хивы, у него возникла вражда не только

с большевистской властью Туркестана, но и местными «младохивинцами», которые ратовали за реформы в ханстве. Возникла вражда и с туркменскими вождями.

Главными союзниками большевиков и младохивинцев в этой борьбе стали могущественные туркменские вожди Кочмамед-хан, Гулям-Али-хан, Шамурад Бахши, Якши-Гельды-бек, Нияз Бахши, которые впоследствии, в первой половине 1920-х гг., были убиты самими большевиками. Это была старая туркменская болезнь, название которой — межплеменная и межродовая рознь. Крупные туркменские родоплеменные вожди просто из-за чистой зависти к Джунаиду встали к нему в оппозицию.

По донесению Скалова, это были внутритуркменские «родовые раздоры», а «политическую окраску им пытаются придать младохивинцы, не принимающие в движении непосредственного участия» [25, с. 5–7]. Однако, как писал С. Л. Кузьмин: «Эту "окраску" пытались придать не только младохивинцы, но и советское правительство Туркестана» [26]. В качестве примера Кузьмин приводит слова уполномоченного Крайбюро РКП(б) Хасанова, который отмечал: «После нашей усиленной агитации пролетариат Хивы восстал против Джунаид-хана. Везде идут бои. К нам прибыла делегация [из Хивы], просит помощи. <...> прошу вашего разрешения выступить с отрядом в Хиву [на] помощь восставшему пролетариату Хивы» [26].

В результате советские войска, расположенные в Амударьинском отделе, вторглись на территорию Хивинского ханства. Решающие сражения развернулись 22–23 января 1920 г. в районе Газавата, в которых Джунаид-хан был разбит и с остатками своей конницы скрылся в песках.

В целом «бугафорская революция», как называл председатель Чрезвычайной комиссии по делам Хивы Г. И. Бройдо Хорезмскую революцию, нанесла большой удар престижу Советской власти на Востоке. «После этого вторжения какие нужны политические средства, — докладывал Бройдо на заседании Туркомиссии, — чтобы доказать Бухаре, Афганистану, что мы не империалисты, что мы действительно уважаем права малых народов и т.д. **Джунаид вынес кровавую борьбу с царскими генералами**, а мы отбрасываем его за помощью к англичанам, в Мешхед. Я тщательно просматриваю все известия из Хивы и вытравливаю все сообщения о наших отрядах в Хиве, заменяя их "хивинскими повстанцами". Но этими политическими подлогами никого в Бухаре, Персии, Афганистане не надуешь» [18, с. 159].

Таким образом, с участием частей Красной Армии и ополченцев просоветски настроенных туркменских родоплеменных вождей власть Джунаид-хана была свергнута и провозглашена Хорезмская Народная Советская Республика (ХНСР). Как писал К. Абдуллаев: «В скором времени красное командование готовило экспедицию против Джунаида. В то же время, по словам представителя РСФСР в Хорезме А. Измайлова и Бройдо, «иомудам Кош Магомед (Кочмамед. — Д. А.) Хану, Хану Гуляму Али был сделан намек, что за голову Джунаида можно дать 1 миллион [рублей]» [18, с. 155]. Однако от этой явно провокационной идеи пришлось отказаться по одной простой причине, что «убийство Джунаид-хана, лица высокоавторитетного среди туркмен, как мера карательная, в случае совершения послужит только к большему озлобле-

нию и объединению туркмен» [12, л. 26]. Поэтому РВС Туркфронта предлагал вступить в переговоры с Джунаид-ханом, а представитель 1-й Армии Я. А. Мелькумов даже не исключал возможности «привлечь и его (т.е. Джунаид-хана. — Д. А.) на сторону Советской власти» [12, л. 27]. Вопреки указаниям Туркестанских властей РВС 1-й Армии командировал в Хиву экспедицию во главе с уполномоченным Беляевым, чтобы добиться переговоров с Джунаид-ханом. Для этих целей был использован авторитет бывшего Ахалского хана Махтумкули, который являясь членом РВС 1-й Армии [27, л. 194], согласившегося быть посредником в переговорах между большевиками и Джунаид-ханом. Ахалский хан написал письмо Джунаиду и, гарантируя его безопасность, просил приехать в Ашхабад. Тот согласился, но командир экспедиционного отряда Белоусов, сопровождавший его в качестве почетного караула, с наганом в руках потребовал разоружения Джунаид хана и его сподвижников. В результате произошел вооруженный инцидент, в котором Белоусов был убит, а Джунаид ушел в пески [12, л. 28].

Как бы то ни было, Джунаид-хан был авторитетным и популярным деятелем, поэтому представители Советской власти не переставали надеяться на мирные отношения с Джунаидом. В итоге 7 апреля 1920 г. в Ашхабаде командование 1-й Армии и представители Джунаида подписали мирный договор, по которому стороны сделали большие уступки друг другу. Однако такой договор не устраивал Турккомиссию [12, л. 52–54]. В августе 1920 г. в северо-западной части Хорезмской республики возобновились бои, которые продолжились и в сентябре. Джунаид-хан в одном из своих писем указывал, что вина за нарушение договора падает не на него [17, л. 226].

Следует отметить, что Джунаид-хан был хорошо осведомлен о политических событиях, происходивших как в Советской России, так и за ее пределами. Когда происходили эти события, в сентябре 1920 г., в Баку открылся съезд народов Востока, в работе которого участвовали и представители среднеазиатских народов, в том числе и туркмены [28, с. 5]. Заки Валиди Тогон в своем воспоминании свидетельствовал о том, что Джунаид-хан знал о Бакинском съезде и намеревался отправить туда своего представителя, однако ему не удалось установить для этого нужных связей [29, с. 32]. Как известно, Бакинский съезд был организован и проведен Коминтерном, а им руководили большевики, свергнувшие Джунаида. Поэтому нам пока не известны причины, побудившие Джунаида попытаться участвовать в работе этого форума.

Несмотря на то, что Джунаид-хан был выжат из оазиса, правительство ХНСР все же старалось использовать его авторитет и военную мощь. В декабре 1921 г. в связи с нападениями казахских кочевников на северные районы Хорезма Председатель ревкома ХНСР Дж. Кучкаров обратился с письмом к Джунаид-хану, где он просил от него военную помощь. Сохранился ответ Джунаид-хана Кучкарову, в котором он писал: «Привет доверия и слава Дженар Берген Баю (т.е. Джеббарбергену Кучкарову. — Д. А.). <...>. Вы сообщили, что едете для переговоров с адаевцами-киргизами (т.е. казахами. — Д. А.) в Ходжейли и просили для помощи всадников. <...>. Мы слышали, что в Куня-Ургенче, Ходжейли адаевцев-киргизов как будто много. Ваши киргизы, с которыми Вы едете для перегово-

ров, кажется, едут со стороны Кунграда. Которые из них враги, которые друзья, мы не знаем. Это письмо посылаем с двумя всадниками. Вы сообщите, если где начнется война [с казахами, то], мы все будем готовы» [3, л. 114].

Образование Туркменской ССР стало переломным моментом в многовековой истории туркменского народа. Это событие повлияло на настроение не только простых людей, но даже таких оппонентов советской власти, каким был Джунаид-хан. Первый Председатель СНК ТССР К. С. Атабаев, зная о его дореволюционных заслугах, уважительно относился к его персоне и даже считал его «национальным героем туркменского народа» [30, л. 71].

К. Атабаев и позже считал, что во имя государственных интересов необходимо привлечь Джунаид-хана на сторону Советов, заключив с ним мирный договор, оказать всем, кто пойдет за ним, помощь хлебом и другими продуктами, наделить их землей в культурной полосе. Свою позицию в отношении Джунаид-хана Атабаев объяснил его большим авторитетом среди туркменского населения. Он считал, что Джунаид тянет за собой все рода йомудского племени, поэтому «привести местное население в советский строй возможно только через него» [4].

Таким образом, руководству ТССР во главе К. Атабаевым удалось убедить Джунаид-хана прекратить вооруженную борьбу против советской власти. В феврале 1925 г. Хан обратился с просьбой о помиловании к Первому Всетуркменскому съезду Советов, который проходил в Ашхабаде и Постановлением съезда он был амнистирован [31, л. 6 об.]. На съезде присутствовал его представитель Хан Ишан.

После образования Туркменской ССР между К. Атабаевым и Джунаид-ханом установились доверительные отношения, они имели личную переписку, правительство республики оказывало помощь Джунаид-хану деньгами и продовольствием [32, л. 27–28; 33, л. 58], который находился у колодца Чарышлы, что в 270 км севернее Ашхабада [34, л. 74].

Конечно, советская власть стремилась поселить Джунаид-хана далеко от Ташаузского округа, в низовьях Теджена. Однако он не соглашался с этим. Как отмечал К. Абдуллаев: «Джунаид-хан, ссылаясь на то, что у туркмен еще много врагов, не сдавал окончательно оружие и сохранил свои отряды» [18, с. 252]. К маю 1924 г. у Джунаид-хана было 700 вооруженных всадников [35, л. 6 об.].

Несмотря на то, что советской власти удалось заключить мир с Джунаид-ханом, напряженная обстановка в республике все же сохранялась, ситуация в любое время могла выйти из-под контроля. Несмотря на то, что Джунаид-хан заключил мир с советским правительством, он все же состоял на учете в органах ОГПУ ТССР как главарь басмаческой банды. В письме от 28 апреля 1929 г., направленном на имя командующего Среднеазиатским военным округом (САВО) П. Е. Дыбенко уполномоченная НКВД СССР А. Виноградова признавалась: «В 1927 г., в связи с углублением в Туркменистане басмачества, для которого Джунаид стал организующим центром, было решено принять меры к его ликвидации» [35, л. 82].

Конечно, Джунаид-хан так же чутко отслеживал ситуацию. Как указано в одной оперативной сводке, «Джунаид-хан имеет самые точные сведения обо всех мероприятиях, даже секретного характера, принимаемых в ЦИКЕ» [36, л. 82]. Это дает основа-

ние полагать, что среди государственных деятелей республики были люди, которые информировали Джунаида о планах советской власти.

15 сентября 1927 г. Джунаид-хан поднял восстание, названное в советской историографии «мятежом Джунаид-хана». В ответ ЦИК и СНК ТССР приняли Постановление от 9 октября 1927 г., согласно которому Джунаид-хан объявлен вне закона [37, л. 111].

Начались кровопролитные бои между противниками. Руководивший подавлением выступлений Джунаид-хана А. Борисов писал: «Среди бойцов добровольной милиции Джунаид-хан и Шалтай-Батыр¹ пользовались такой высокой боевой репутацией, что одно упоминание о их появлении вселяло страх в ряды добровольцев-милиционеров. Чтобы сделать отряды милиции боеспособными, необходимо было предварительно разбить Джунаида; только в этом случае они бы воочию убедились, что все разговоры о бесстрашии и непобедимости этих бандитов являются вздором» [38, с. 35–36].

Однако не только бойцы добровольной милиции боялись Джунаида, но и красноармейцы А. Борисова так же были не рады встрече с ними. Бывший красноармеец 84-го кавалерийского полка Н. Ф. Счастливый впоследствии вспоминал: «Когда Джунаидовцы начали атаковать, командирам трудно было успокаивать дрожащих от страха бойцов» [39, л. 25].

Несмотря на преследования лучших советских наземных и воздушных частей, Джунаид-хану удалось прорваться на территорию Ирана, причем с большим вооруженным отрядом и огромным транспортным караваном. Кстати сказать, что во многих неудачах в операции по подавлению выступления Джунаид-хана на 3-м Пленуме ЦК КП(б)Т, который проходил в марте 1928 г., тогдашний Ответственный секретарь ЦК КП(б)Т обвинил лично главу правительства К. Атабаева [30, л. 70–71].

Таким образом, наземные части, авиация САВО, отряды ОГПУ и милиции неустанно преследовали Джунаид-хана. Хотя им не удалось полностью разгромить повстанческую группировку Джунаид-хана, тем не менее они нанесли ей тяжелые удары. К тому же Джунаид-хану не удалось поднять на борьбу против советской власти даже население Ташаузского округа, не говоря уже обо всей Туркмении. Поэтому, устав от многолетней борьбы, испробовав все формы борьбы с большевиками, мятежный и непокорный туркменский сердар, наконец-то поняв бесперспективность борьбы с сильнейшим противником и почуввав смертельную опасность, в июне 1928 г. навсегда покинул свою родину.

После ухода из Туркмении Джунаид-хан сначала обосновался в Атреке (Иран), а потом окончательно осел в районе афганской провинции Герат. Находясь в Афганистане, он активно помогал вынужденным мигрантам-беженцам, приезжающим из СССР, организовал засылки вооруженных группировок в ТССР. В ответ советские спецслужбы готовили специальный план, направленный на то, чтобы рассорить его со своими приближенными и ликвидировать его самого и его наследников. В январе 1932 г. ОГПУ забросило в Афганистан агента, который в прошлом являлся сподвижником Джунаид-хана. Этот агент должен был спровоцировать его на переход границы, чтобы затем арестовать [40, с. 90]. Однако Джунаид-хан не поддавался на эту провокацию.

Но все же нельзя исключать, что к смерти Джунаид-хана советские спецслужбы могли иметь от-

ношение. В начале 1990-х гг. первый Президент Туркменистана С. А. Ниязов-Туркменбаши принял известных туркменских историков, чтобы обсудить с ними ключевые события ушедшей эпохи — советского времени. Глава государства тогда в беседе с ними признался, что у него имеются архивные сведения, по которым к смерти Джунаид-хана были причастны органы НКВД.

Лидер туркменских повстанцев Джунаид-хан Курбанмамед сердар скончался в 1938 г. в возрасте 76 лет. Он пожелал быть похороненным на родине, на знаменитом кладбище Исмамут-ата, находящемся в Ташаузской области Туркменистана. «Мое единственное, заветное желание, — говорил он, — быть преданным родной земле, там, где похоронен наш святой Исмамут-ата, мой далекий предок. Я знаю, что это будет нелегко. Если для этого понадобится отдать столько золота, соответствующего тяжести моего тела, не жалея отдайте! Самое главное, чтобы большевики разрешили похоронить меня на родной земле. Если не разрешат, то бросьте мое тело в Амударью. Я успокоюсь и найду вечное успокоение на том свете тогда, когда вода, искупавшая мое бездыханное тело, омоет родные берега» [41, с. 34].

Результаты исследования. Как показывают исторические материалы и исследования историков, Джунаид-хан был одновременно яркой, но в то же время неординарной личностью туркменской истории эпохи политических смут, социальных потрясений и гражданских войн, участников которых очень сложно считать добродетелями, а тем более народными героями! Но, в любом случае, сильные личности были всегда. В то беспокойное время у туркменского народа и с той — советской, и с другой — антисоветской — сторон были известные и сильные личности. Волей судьбы Джунаид-хан оказался среди тех, кто находился в антисоветском лагере, что впоследствии и определило его роль и место в истории туркменского народа.

Изучение новых материалов туркменских и российских архивов, а также данные монографических исследований, где помимо прочего рассказывается и о деятельности Джунаид-хана, показывают, что он вовсе не является таким, каким его представляла советская и, отчасти, постсоветская историография. К сожалению, большинство работ историков отличаются крайней тенденциозностью. Поэтому большинство из них носят больше пропагандистский нежели научный характер. Авторы сознательно умалчивали о фактах, которые свидетельствовали о том, что Джунаид-хан не был обыкновенным «граббителем и убийцей» или же «насилником и разбойником», а был стороной многолетнего конфликта с властями, у которого были свои конкретные цели и задачи относительно будущего своего народа. Так, главной его целью было прекращение всякого рода беззакония и насилия в отношении простого народа, он ратовал за сохранение старых традиционных устоев и религиозно-патриархальных институтов.

Однако следует отметить, что на начальном этапе «строительства социализма» в СССР туркменский народ переживал период разложения родового строя, поэтому Джунаид-хан, как и большая часть тогдашнего туркменского народа, придерживался консервативных политических, культурно-этических и религиозных взглядов и не смог предложить своим соплеменникам более передовой государственный строй, чем тот, которым он руководил в течение двух лет в Хиве. К тому же следует

признать и тот факт, что по своему политическому устройству ни ханская власть в Хиве, ни власть туркменской родоплеменной аристократии не соответствовали духу своего времени. Думается, что тогда не только простому туркмену — земледельцу или кочевнику, но даже образованным людям, жившим уже почти полвека в Российской империи, которая во внутренней политике придерживалась в основном европейских стандартов, трудно было понять и воспринимать их. Поэтому борьба Джунаид-хана за права и свободу туркменского народа и сохранение его традиционных порядков, начавшаяся в начале первого десятилетия прошлого века и завершившаяся в начале 1930-х гг., окончилась полной неудачей.

Примечание

¹Шалтай Батыр — бывший помощник просоветских вождей Кочмамед-хана и Якши-Гельды-бека, который после их убийства большевиками перешел на сторону Джунаид-хана, став его авторитетным джигитом. В январе 1930 г. он погиб в стычке с бойцами туркменского просоветского добровольческого отряда.

Библиографический список

1. Аннаоразов Дж. С. Басмаческое движение в Туркменистане — продолжение Гражданской войны 1918–1920 гг.: моногр. Ашхабад, 2022. 327 с.
2. Германов В. А. Милитаристские и антивоенные выступления, борьба за национальную самоидентификацию в ходе восстаний 1916 г. в Закаспийской области Туркестанского края // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). Москва: Русский импульс, 2017. С. 125–132.
3. Российский государственный архив социально-политических исследований (РГАСПИ). Ф. 544. Оп. 4. Д. 32.
4. Эсенов Р. М. Джунаид-хан — вождь туркменских повстанцев. URL: <https://www.kitaphana.net> (дата обращения: 03.06.2023).
5. Жуманиязов Д. К. Народное восстание 1916 года в Каракалпакистане // Вестник Каракалпацкого государственного университета имени Бердаха. 2016. Т. 33, № 4. С. 82–85.
6. Жуманиязов Д. К. Полевые записи о судьбе Максум-хана (Убайдуллы Бахауаддинова) // Бюллетень науки и практики. Исторические науки. 2016. № 10. С. 384–386. DOI: 10.5281/zenodo.161149.
7. Qo'shchanov O., Durdiyeva G. Xiva xonligi turkmanlari. Xiva, 2008. 234 p.
8. Отегенов Х. М. Народные восстания 1916 года в Хивинском ханстве и Амударьинском отделе: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Узбекистан: Нукус, 2020. 53 с.
9. Сайфутдинова О. Б. Ликвидация басмачества на территории Средней Азии // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2018. № 4 (57). С. 23–27. EDN: YXICJV.
10. Шалаев М. В. Сокровище Джунаида. Москва: Вече, 2008. 281 с. ISBN 978-5-9533-3580-5.
11. Нуриев А. Жүнейт хан. Түркмен ханлары ве сердарлары. Ашгабат, 1992. С. 68–76.
12. РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 31.
13. Караш хан оглы Иомудский. Туркмены и революция (Десять лет тому назад в Туркмении) // Туркменоведение. 1927. № 1. С. 12–18.
14. Абдурасулов У. Конфликт как ресурс: анатомия «туркменских беспорядков» в Хорезме, 1914–1916 гг. // Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и наци-

- онализму в постсоветском пространстве. 2018. № 3. С. 141–186.
15. Котюкова Т. В. Восстание туркмен в Хивинском ханстве в 1916 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 3–18.
 16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 97. Оп. 4. Д. 78.
 17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 281.
 18. Абдуллаев К. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции. Душанбе: Ирфон, 2009. 572 с. ISBN 978-99947-55-55-4.
 19. Чепрунов Б. В. Джунаид-хан. Ташкент: Госиздат Узгиз, 1936. 342 с.
 20. Шарипов Дж. Хорезм: роман в 3 кн. / пер. с узб. С. Виленского, М. Салиева. Москва: Сов. писатель, 1979. 704 с.
 21. Кутяков И. С. Красная конница и Воздушный флот в пустыне в 1924 году. Москва; Ленинград: Гос. изд-во Отд. воен. лит-ры, 1930. 216 с.
 22. Ганин А. В. Большая игра генерал-майора И. М. Зайцева // Белая гвардия. Альманах. Москва: Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев», 2005. Т. 8. С. 193–207. EDN: XBKKXR.
 23. Почекаев Р. «Под ближайшим руководством резидентства...». Временное правительство, Бухарский эмират и Хивинское ханство // Восток Свыше. 2016. Т. XL, № 1–2. С. 70–79.
 24. Карпов Г. И. Хивинские туркмены и конец Кунградской династии. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1930. 230 с.
 25. Генис В. А. Бутафорская революция, или Российское полпредство в Хиве // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2000. № 2. С. 5–26.
 26. Кузьмин С. Л. Механизмы ликвидации монархий в странах Внутренней Азии в первой половине XX в. // Религия и общество на Востоке. 2018. № 2. С. 188–245. URL: <https://www.ivgan.ru/articles?artid=10291> (дата обращения: 06.09.2023).
 27. Аналитический материал ОО ГПУ ТуркССР о политико-экономическом состоянии Бахарденского района. 25 сентября 1931 г. // Центральный архив ФСБ России. Ф. 2. Оп. 9. Д. 759.
 28. Первый съезд народов Востока. Баку, 1–8 сентября 1920 г. Петроград: Изд-во Коминтерна, 1920. 220 с.
 29. Заки Валиди Тогон. Воспоминание. В 2 кн. Уфа: Китап, 1998. Кн. II. 368 с. ISBN 5-295-01566-1.
 30. Центральный государственный архив политических документов Туркменистана (ЦГАПДТ). Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 74.
 31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 441.
 32. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25895. Оп. 1. Д. 641.
 33. Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГАТ). Ф. 1сч. Оп. беч. Д. 65; Ф. 2. Оп. 2 с. Д. 41.
 34. ЦГАТ. Ф. 1сч. Оп. 6 сч. Д. 75.
 35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 441.
 36. ЦГАТ. Ф. 2. Оп. 2 с. Д. 75.
 37. ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103.
 38. Борисов А. Б. Поход конной группы 8-й кавалерийской бригады в пустыню Каракум в 1927 г. Москва: Гос. воен. изд-во, 1932. 144 с.
 39. ЦГАПДТ. Ф. 51. Оп. 16. Д. 754.
 40. Эсенов Р. Духовная оппозиция в Туркменистане (1917–1935). Москва, 2002. 212 с.
 41. Гутляев Т. Союз хем Гарашсызлык. Ашгабат: «Алтын гушак» туркмен шахамчасынын Ашгабат бөлүми, 1992. 37 с.

АННАОРАЗОВ Джумадулды Сейтекович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Всемирной истории Туркменского государственного университета имени Махтумкули, г. Ашхабад, Республика Туркменистан.
Адрес для переписки: j.annaorazow@gmail.com

Для цитирования

Аннаоразов Д. С. Действующие лица Гражданской войны в Туркменистане: правда и вымысел о Джунаид-хане // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 65–74. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-65-74.

Статья поступила в редакцию 12.09.2023 г.

© Д. С. Аннаоразов

ACTORS OF THE CIVIL WAR IN TURKMENISTAN: THE TRUTH AND FICTION ABOUT JUNAID KHAN

The article describes about little-known pages in the life of one of the key military and political leaders of the Civil War in Turkmenistan, Junaid Khan — Kurbanmamed serdar (1862–1938). The historiography of the issue is criticized. Based on unpublished sources from the funds of state and departmental archives, the details of the biography of this figure related to his participation in the fratricidal confrontation are clarified. The theoretical basis of the study is a combination of military anthropology, problematic and comparative historical methods. Summing up, the author assesses the personality of Junaid Khan against the backdrop of the controversial era in which this military and political figure lived.

Keywords: historical anthropology, Civil War, White Movement, insurgency, Basmachi, Khiva Khanate, Khorezm People's Soviet Republic, Turkmenistan.

References

1. Annaorazov Dzh. S. Basmacheskoye dvizheniye v Turkmenistane — prodolzheniye Grazhdanskoy voiny 1918–1920 gg. [The Basmach movement in Turkmenistan is a continuation of the Civil War of 1918–1920]. Ashgabat, 2022. 327 p. (In Russ.).
2. Germanov V. A. Militaristskiye i protivoyennyye vystupleniya, bor'ba za natsional'nyuy samoidentifikatsiyu v khode vosstaniy 1916 g. v Zakaspiyskoy oblasti Turkestanskogo kraya [Militarist and anti-war protests, the struggle for national self-identification during the uprisings of 1916 in the Trans-Caspian region of the Turkestan region] // Vosstaniya 1916 g. v Aziatskoy Rossii: neizvestnoye ob izvestnom (K 100-letiyu Vysochayshego poveleniya 25 iyunya 1916 g.). *Uprisings of 1916 in Asian Russia: the Unknown about the Known (To the 100th Anniversary of the Highest Command on June 25, 1916)*. Moscow, 2017. P. 125–132. (In Russ.).
3. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskikh issledovaniy (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political Research (RSASPR)]. File: 544/4/32. (In Russ.).
4. Esenov R. M. Dzhunaid-khan — vozhd' turkmenskikh povstantsev [Junaid Khan — leader of the Turkmen]. URL: <https://www.kitaphana.net/> (accessed: 03.06.2023). (In Russ.).
5. Jumaniyazov D. K. Narodnoye vosstaniye 1916 goda v Karakalpakstane [People's uprising of 1916 in Karakalpakstan] // Vestnik Karakalpakskogo Gosudarstvennogo Universiteta Imeni Berdakh. *The Herald of Karakalpak State University Named After Berdakh*. 2016. No. 4. P. 82–85. (In Russ.).
6. Jumaniyazov D. K. Polevyye zapisi o sud'be Maksumkhana (Ubaydully Bakhauaddinova) [Field notes about the fate of Maksum khan (Ubaydulla Bakhauaddinov)] // Byulleten' Nauki i Praktiki. Istoricheskoye Nauki. *Bulletin of Science and Practice. Historical Sciences*. 2016. No. 10. P. 384–386. (In Russ.).
7. Koschanov O., Durdiyeva G. Xiva xonligi turkmanlari [Turkmens of the Khiva Khanate]. Khiva, 2008. 234 p. (In Uzb.).
8. Otegenov Kh. M. Narodnyye vosstaniya 1916 goda v Khivinskoy khanstve i Amudar'inskom otdel' [Popular uprisings of 1916 in the Khiva Khanate and the Amudarya department]. Uzbekistan: Nukus, 2020. 53 p. (In Russ.).
9. Saifutdinova O. B. Likvidatsiya basmachestva na territorii Sredney Azii [Basmachi's elimination in central Asia] // Uchenyye Zapiski Khudzhandskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. Akademika B. Gafurova. Seriya Gumanitarno-Obshchestvennykh Nauk. *Scientific Notes Khujand State University Named After Academician B. Gafurov. Series of Humanities and Social Sciences*. 2018. No. 4 (57). P. 23–27. EDN: YXICJV. (In Russ.).
10. Shalayev M. V. Sokrovishche Dzhunaida [Junaid's Treasure]. Moscow, 2008. 288 p. ISBN 978-5-9533-3580-5. (In Russ.).
11. Nuryyev A. Жынейт хан. Түркмен ханлары ве сардарлары [Junaid khan. Turkmen khans and sardars]. Ashgabat, 1992. P. 68–76. (In Turk.).
12. RGASPI [RSASPR]. File: 544/4/31. (In Russ.).
13. Karash han ogly Iomudskiy. Turkmeny i revolyutsiya (Desyat' let tomu nazad v Turkmenii) [Turkmen and the revolution (Ten years ago in Turkmenistan)] // Turkmenovedeniye. *Turkmen Studies*. 1927. No. 1. P. 12–18. (In Russ.).
14. Abdurasulov U. Konflikt kak resurs: anatomiya «turkmenskikh besporyadkov» v Khorezme, 1914–1916 gg. [Conflict as a resource: the anatomy of the “turkmen unrest” in Khwarazm, 1914–1916] // Ab Imperio: Issledovaniya Novoy Imperskoy i Natsional'noy Istorii v Postsovetском Prostranstve. *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*. 2018. No. 3. P. 141–186. (In Russ.).
15. Kotyukova T. V. Vosstaniye turkmen v Khivinskoy khanstve v 1916 g. [Uprising of the Turkmen in the Khiva Khanate in 1916] // Voprosy Istorii. *Voprosy Istorii*. 2009. No. 9. P. 3–18. (In Russ.).
16. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. File: 97/4/78. (In Russ.).
17. RGASPI [RSASPR]. File: 17/33/281. (In Russ.).
18. Abdullayev K. Ot Sin'tszyana do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoy emigratsii [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration]. Dushanbe, 2009. 572 p. ISBN 978-99947-55-55-4. (In Russ.).
19. Cheprunov B. V. Dzhunaid-khan [Junaid Khan]. Tashkent, 1936. 122 p. (In Russ.).
20. Sharipov Dzh. Khorezm: roman v 3 kn. [Khorezm: novel in 3 bks.] / trans. from uzbek S. Vilenskiy, M. Saliev. Moscow, 1979. 704 p. (In Russ.).
21. Kutiaikov I. S. Krasnaya konnitsa i Vozdushnyy flot v pustynnyakh [Red Cavalry and Air Fleet in the Deserts]. Moscow; Leningrad, 1930. 215 p. (In Russ.).

22. Ganin V. A. Bol'shaya igra general-mayora I. M. Zaitseva [The big game of Major General I. M. Zaitseva] // Belaya Gvardiya. *White Guard*. Moscow, 2005. Vol. 8. P. 193–207. EDN: XBKKXR. (In Russ.).
23. Pochekeyev R. «Pod blizhayshim rukovodstvom rezidentstva...». Vremennoye pravitel'stvo, Bukharskiy emirat i Khivinskoye khanstvo [«Under the immediate guidance of the residence...» Provisional Government, Bukhara Emirate and Khanate of Khiva] // Vostok Svyshe. *East Above*. 2016. Vol. XL, no. 1–12. P. 70–80. (In Russ.).
24. Karpov G. I. Khivinskiye turkmeny i konets Kungradskoy dinastii [Khiva Turkmens and the end of the Kungrad dynasty]. Ashgabat, 1930. 230 p. (In Russ.).
25. Genis V. L. Butaforskaya revolyutsiya, ili rossiyskoye polpredstvo v Khive [Fake revolution, or Russian embassy in Khiva] // Vostok. *Afro-Aziatskie Obshchestva: Istoriya i Sovremennost'*. East. *Afro-Asian Societies: History and Modernity*. 2000. No. 2. P. 5–26. (In Russ.).
26. Kuzmin S. L. Mekhanizmy likvidatsiya monarkhiy v stranakh Vnutrenney Azii v pervoy polovine XX v. [Mechanisms of elimination of monarchies in the states of Inner Asia in the first half of the 20th Century] // *Religiya i Obshchestvo na Vostoke. Religion and Society in the East*. 2018. No. 2. P. 188–245. URL: <https://www.ivran.ru/articles?artid=10291> (accessed: 06.12.2019). (In Russ.).
27. Analiticheskiy material OO GPU TurkSSR o politiko-ekonomicheskom sostoyanii Bakhardenskogo rayona. 25 Sentyabrya, 1931 g. [Analytical material from the NGO GPU of the TurkSSR on the political and economic state of the Bakhardensky district. September 25, 1931] // Tsentral'nyy arkhiv FSB Rossii. *Central Archive of the FSB of Russia*. File: 2/9/759. (In Russ.).
28. Pervyy s'yezd narodov Vostoka. Baku 1–8 sentyabrya 1920 g. [First Congress of the Peoples of the East. Baku, September 1–8, 1920]. Petrograd, 1920. 220 p. (In Russ.).
29. Zaki Validi Togon. Vospominaniye. V 2 kn. [Memory. In 2 bks.]. Ufa, 1998. Bk. II. 368 p. ISBN 5-295-01566-1. (In Russ.).
30. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv politicheskikh dokumentatsiy Turkmenistana (TSGAPDT) [Central State Archive of Political Documents of Turkmenistan (CSAPDT)]. File: 1/1/1/74. (In Russ.).
31. RGASPI [RSASPR]. File: 17/33/441. (In Russ.).
32. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenny arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RSMA)]. File: 25895/1/641. (In Russ.).
33. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Turkmenistana (TSGAT) [Central State Archive of Turkmenistan (CSAT)]. File: 1/6/65; 2/2/41. (In Russ.).
34. TSGAT [CSAT]. File: 1/6/75. (In Russ.).
35. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskii issledovaniy (RGASPI) [Russian State Archive for Socio-Political Research (RSASPR)]. File: 544/4/32. (In Russ.).
36. TSGAT [CSAT]. File: 2/2/75. (In Russ.).
37. TSGAT [CSAT]. File: 1/1/103. (In Russ.).
38. Borisov A. B. Pokhod konnoy gruppy 8-y kavaleriyskoy brigady v pustynyu Karakum v 1927 g. [Campaign of the cavalry group of the 8th Cavalry Brigade into the Karakum Desert in 1927]. Moscow, 1932. 144 p. (In Russ.).
39. TSGAPDT [CSAPDT]. File: 51/16/754. (In Russ.).
40. Esenov R. Dukhovnaya oppozitsiya v Turkmenistane (1917–1935) [Spiritual opposition in Turkmenistan (1917–1935)]. Moscow, 2002. 212 p. (In Russ.).
41. Gutliyev T. Soyuz hem Garashsyzyk [The Union and Independence]. Ashgabat, 1992. 37 p. (In Turk.).

ANNAORAZOV Dzhumadurdy Seitekovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of World History Department, Magtymguly Turkmen State University, Ashgabat, Republic Turkmenistan.
Correspondence address: j.annaorazow@gmail.com

For citations

Annaorazov D. S. Actors of the Civil War in Turkmenistan: the truth and fiction about Junaid Khan // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 65–74. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-65-74.

Received September 12, 2023.

© D. S. Annaorazov